

ИГОРЬ АНИКАНОВ

СОН

18+

Игорь Аниканов

Сон

«Автор»

2026

Аниканов И.

Сон / И. Аниканов — «Автор», 2026

Даниэль давно живёт рядом с Анной, но всё реже чувствует, что они вместе. Однажды ему снится незнакомый город и женщина по имени Лия. На следующую ночь сон продолжается с того же мгновения. У второй жизни оказывается своя память — и своя цена. Роман-мистерия о чувстве, которое обещает вернуть счастье, и о выборе, который невозможно сделать за другого.

© Аниканов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	6
Глава 1. Когда любовь стала привычкой	7
Глава 2. Женщина у реки	12
Глава 3. Вторая жизнь	19
Глава 4. То, что вернулось	24
Глава 5. Два вечера	33
Глава 6. Ночь короче дня	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Игорь Аниканов

Сон

ИГОРЬ АНИКАНОВ
СОН
роман-мистерия

2026

Аннотация

Даниэль давно живёт рядом с Анной, но всё реже чувствует, что они вместе. Однажды ему снится незнакомый город и женщина по имени Лия. На следующую ночь сон продолжается с того же мгновения. У второй жизни оказывается своя память — и своя цена. Роман-мистерия о чувстве, которое обещает вернуть счастье, и о выборе, который невозможно сделать за другого.

Глава 1. Когда любовь стала привычкой

— И тут этажом выше дверь открывается, и муж ей кричит: «Ты домой сегодня собираешься?» — сказала Анна.

Соседка, жившая этажом выше, вышла из лифта на их площадке и несколько минут пыталась открыть дверь Анны и Даниэля своим ключом. Анна показывала, как та то сверяла номер квартиры, то снова дёргала замок, не понимая, почему ключ вдруг перестал подходить.

Она засмеялась и посмотрела на Даниэля, ожидая, что он тоже засмеётся.

Он улыбнулся. Поздно.

— Ты не слушал.

— Слушал.

— Чем всё закончилось?

Он вспомнил соседку с ключами, похожие двери, номер этажа — то, что Анна рассказывала вначале. Дальше было пусто.

— Муж позвал её.

— Я это только что сказала.

— Прости.

Анна взяла стакан и сделала несколько глотков. В тарелке перед ним остывал ужин. За окном мокрые ветви то закрывали фонарь, то снова пропускали его свет. На кухне было тихо; лишь холодильник время от времени глухо вздрагивал и снова замолкал.

Он видел всё: тёмный рукав её блузки, след от воды на стекле, тонкую царапину у края стола. Даже маленькую прядь, зацепившуюся за серьгу.

Но не мог понять, что сейчас у неё на лице. Она сидела напротив, а он всё равно не видел.

— Что? — спросила она.

Он, видимо, слишком долго смотрел.

— Ничего.

— Устал?

— Наверное.

Она кивнула. Без обиды, почти привычно. Эта привычность и задела его сильнее, чем упрёк.

— Будешь ещё?

— Нет.

Она собрала тарелки. Он поднялся следом.

— Давай я.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что я уже взяла.

Он всё же забрал у неё свою тарелку. На секунду их пальцы соприкоснулись. Раньше даже такое случайное касание отзывалось в нём. Сейчас он только заметил, что её руки холодные.

— Оставь, — сказала она. — Я сама.

— Мне не трудно.

— Я знаю.

Она отпустила тарелку и отошла к окну. Пока он включал воду, она стояла спиной, обхватив себя за локти. Потом поправила занавеску, хотя та и так висела ровно, и вышла из кухни.

Он вымыл посуду медленно, одну тарелку за другой. Делать было почти нечего, но ему не хотелось идти за ней.

Вода стекала по белой поверхности, и вдруг он вспомнил другой дождь.

Она опаздывала к нему на остановку. Всего на несколько минут. Он ходил от края навеса до рекламной стойки, выглядывал на дорогу и каждый раз принимал чужой автобус за тот, который должен был привезти её.

Потом увидел её на противоположной стороне.

Сначала походку. Потом волосы, выбившиеся из-под капюшона. Она ждала, когда загорится зелёный, и, заметив его, подняла руку. Он тоже поднял — сразу, слишком высоко, не думая, как выглядит со стороны.

Она перебежала дорогу, смеясь и задыхаясь.

— Давно ждёшь?

— Только пришёл.

Он солгал, чтобы она не расстроилась. И был счастлив, что может сделать для неё хотя бы это — простую, никому не заметную вещь.

Тогда её появление меняло весь вечер. Дождь переставал быть дождём. Толпа под навесом уже не мешала. Ему хотелось слушать всё, что она рассказывала, даже если она пересказывала чужую историю во второй раз.

Он поставил последнюю тарелку сушиться и выключил воду.

С тех пор прошло семь лет.

Они успели снять две квартиры, пожениться, несколько раз поменять работу, привыкнуть к новым маршрутам и новым окнам. В первой квартире матрас лежал на полу, а из мебели у них были складной стол и два стула, один из которых шатался. По вечерам они ели что-нибудь купленное по дороге и перебивали друг друга, потому что каждому не терпелось рассказать свой день.

Иногда они просыпались ночью от шума на улице. Она спрашивала: «Ты слышал?» Он отвечал: «Спи». Через минуту они уже спорили, что это было, и смеялись, уткнувшись лицами в подушки.

Он не помнил, когда перестал ждать её рассказов.

В спальне горела только лампа у кровати. Анна сидела поверх одеяла с книгой на коленях, но страницу не переворачивала.

— Я вымыл, — сказал он.

— Спасибо.

Он открыл шкаф, достал домашнюю одежду. Чувствовал её взгляд и от этого двигался неловко, словно раздевался при посторонней.

— Завтра рано? — спросила она.

— Как обычно.

— Я поставлю свой будильник позже.

— Ставь.

Она закрыла книгу.

— Что с тобой?

— Ничего.

— Не надо.

— Что не надо?

— Вот этого. «Ничего».

Он повернулся к ней.

— Я просто устал.

— Ты всё время устал.

— Работа такая.

— Раньше была другая?

Он пожал плечами. Анна отвела глаза, провела пальцем по краю обложки.

— Я сегодня весь ужин с тобой разговаривала, — сказала она. — Ты хоть что-нибудь услышал?

— Я же извинился.

— Я не про эту историю.

— А про что?

Она посмотрела на него. Теперь он увидел: под глазами у неё легли тени, губы были плотно сжаты. Не злость. Она будто долго удерживала то, что сейчас всё-таки решилась сказать.

— Про нас.

Он сел в кресло у окна.

— Что про нас?

— Ты даже не понимаешь, о чём я.

— Так объясни.

— Я всё время пытаюсь.

— Когда?

— Да хотя бы сегодня. Я говорю — ты киваешь. Потом оказывается, что тебя не было.

— Я был здесь.

— Я вижу.

Он почувствовал раздражение. Не сильное, но знакомое. Ему хотелось, чтобы она сказала прямо, чего хочет, и тогда он сделал бы это. Обнял, пообещал больше слушать, предложил куда-нибудь поехать на выходные. Всё, что можно выполнить.

— Хорошо, — сказал он. — Давай завтра сходим куда-нибудь. Или в субботу. Как ты хочешь.

Анна устало потёрла лоб.

— Я не об этом.

— Я пытаюсь что-то сделать.

— Куда-нибудь сходить — это не то.

— Тогда чего ты хочешь от меня сейчас?

Она сразу не ответила.

— Посмотри на меня.

— Я смотрю.

— Нет.

Он поднял глаза. Она сидела совсем близко, в нескольких шагах. Небольшая складка между бровями, родинка у виска, мягкая линия подбородка. Он знал каждую черту. Но взгляд всё равно скользил, ни за что не цепляясь.

— Ну? — спросил он.

— Ничего.

Теперь это слово произнесла она.

— Ты сама начала.

— Да.

— Тогда договори.

Она положила книгу на тумбочку.

— Ты ещё любишь меня?

— Конечно.

Она закрыла глаза на секунду.

— Что?

— Ты даже не подумал.

— А я должен был думать?

— Не знаю. Хотя бы посмотреть на меня перед тем, как ответить.

— Я посмотрел.

— После.

Он встал. В груди уже поднималось глухое, несправедливое чувство: его заставляют оправдываться за то, чего он не делал. Он не изменял ей. Не пропадал по ночам. Не унижал, не бросал, не врал о деньгах. Возвращался домой, помнил о её просьбах, никогда не забывал позвонить, если задерживался.

— Я не понимаю, чего ты от меня ждёшь.

— Я тоже уже не понимаю.

— Ты хочешь, чтобы я каждый день доказывал?

— Нет.

— Тогда что?

Она посмотрела в сторону двери.

— Мне рядом с тобой всё время кажется, что я лишняя.

Он хотел сказать, что это преувеличение. Что она устала, что у всех бывают такие периоды. Слова уже выстраивались — разумные, спокойные. Анна будто увидела их заранее.

— Не надо меня сейчас успокаивать, — сказала она. — Я не плачу.

Он замолчал.

— Мне иногда проще, когда тебя нет дома, — продолжила она. — Тогда я хотя бы знаю, почему одна.

От этих слов у него пересохло во рту.

— Ты хочешь уйти?

— Нет. Но я не знаю, сколько ещё смогу делать вид, что всё нормально.

— А что ненормально?

Она посмотрела на него так устало, что он сразу пожалел о вопросе.

— Мне тяжело, — сказала она.

Она встала, открыла шкаф и достала запасное одеяло. Потом взяла подушку.

— Ты куда?

— В другую комнату.

— Зачем?

— Не знаю. Сегодня так будет лучше.

— Для кого?

Она задержалась у двери.

— Для меня.

Дверь закрылась негромко. Даже не до конца — язычок замка не щёлкнул.

Он остался посреди спальни.

Первым пришёл гнев. На неё — за этот уход, за вопрос, на который невозможно ответить правильно. На себя — за то, что вместо страха почувствовал облегчение: разговор закончился. На семь лет, которые незаметно привели их сюда. Даже на Бога — за то, что когда-то дал ему это чувство, а потом оставил без него.

Он прошёлся от окна до двери и обратно. Хотел выйти следом, но что скажет? «Вернись»? Она вернётся, ляжет рядом, и между ними останется та же пустота.

За дверью было тихо. Потом скрипнул диван. Шорох одеяла. Один короткий вздох, который она, наверное, не хотела, чтобы он услышал.

Он сел на край кровати.

На её стороне осталась небольшая вмятина. На тумбочке лежала книга, раскрытая корешком вверх. Он перевернул её, нашёл между страницами закладку и закрыл. Раньше она сердилась, когда он оставлял книги вот так. Сегодня сама забыла.

Он снова увидел её под дождём. Потом — в первой квартире, на полу среди коробок. Она смеялась, держа в руках две чашки, потому что они купили разные и спорили, какая будет

его. Потом день их свадьбы: не лица гостей, не музыка — её пальцы в его ладони. Они были тёплые и чуть дрожали.

Куда всё это делось?

Вопрос давно жил в нём, но этой ночью прозвучал иначе.

Она была за стеной, укрытая запасным одеялом. Те же руки, тот же голос, та же привычка поджимать ногу, когда читает. Значит, исчезла не она.

Он вдруг подумал: а если все эти годы он любил не её, а себя рядом с ней? Своё ожидание, свой восторг, свою уверенность, что теперь жизнь не пропадёт зря.

Мысль была страшной. Он сразу оттолкнул её. Конечно, любил. Он помнил, как боялся за неё, как ездил через весь город, когда она заболела, как сидел рядом, пока ей не стало легче. Помнил, как радовался её радости.

Если он любил её, как это могло просто пройти?

Он лёг, потом снова сел. В комнате не хватало её дыхания. Такого обычного звука, что раньше он слышал его только тогда, когда она простужалась или не могла уснуть.

Ему стало по-настоящему страшно. Не только из-за возможного развода. Он представил другую квартиру, другую кровать, свои вещи в шкафу, вечера без её шагов. Представил, что со временем привыкнет и к этому. Что когда-нибудь встретит кого-то ещё, всё начнётся сначала — и всё равно приведёт его в такую же комнату.

В детстве он однажды уже сидел ночью на полу и не знал, что делать.

Мать увезли в больницу. Ему было девять. Бабушка легла рядом, но не спала; он слышал, как она то и дело поворачивается. На кухне горела маленькая лампа над плитой. Он пришёл туда босиком, сел у батареи и попросил Бога, чтобы мама вернулась.

Он не знал ни одной молитвы. Повторял одно и то же, пока не задремал, прислонившись к батарее. Утром позвонили из больницы: операция прошла хорошо.

Став взрослым, он много раз говорил себе, что одно с другим не связано. Врачи сделали свою работу. Телефон позвонил бы и без его слов. Но всякий раз, когда жизнь становилась больше его сил, он вспоминал ту кухню и ощущение, что в темноте был не один.

Ноги ослабли, и он опустился на колени у кровати.

— Господи... Ты меня тогда услышал. Или мне так показалось. Я не знаю. Я сейчас вообще ничего не знаю. Я не хочу её потерять. Но она рядом, а я уже будто потерял. Я говорю, что люблю её, и сам не понимаю, что говорю. Если я любил её, почему всё прошло? Может, я просто не умею. Пожалуйста. Научи меня любить.

Он замолчал.

За стеной не было слышно ни звука. В окне двигались отражения редких машин. Колени ныли от жёсткого пола.

Ничего не произошло.

Он поднялся, лёг на свою половину кровати и ещё долго смотрел в темноту. Потом закрыл глаза.

Перед ним стояла дверь.

Высокая, тёмная, с узкой полосой света по краям. Вокруг не было ни стены, ни коридора. Только дверь и тишина.

Он подошёл.

За ней слышались шаги. Лёгкие, быстрые. Кто-то прошёл совсем близко и остановился.

Он положил ладонь на ручку.

Дверь открылась.

Глава 2. Женщина у реки

За дверью начиналась улица.

Даниэль остановился. Под ногами лежал тёплый камень, впереди улица спускалась к реке. Вечерний свет держался на верхних этажах, в окнах и на черепичных крышах; внизу, между домами, уже собиралась синяя прохлада.

Он обернулся.

За спиной была стена. Старая штукатурка, узкая трещина от карниза до мостовой, железное кольцо, вделанное в камень. Никакой двери.

Даниэль потрогал стену ладонью. На пальцах осталась светлая пыль.

Он знал, что спит. Это знание не мешало слышать воду и далёкий звон посуды, чувствовать запах реки, сырого камня и чего-то сладкого из открытого окна. Обычно во сне достаточно было отвернуться, чтобы улица стала другой. Здесь ничего не менялось. На подоконнике напротив стояли три одинаковых горшка. На верёвке между окнами висела белая рубашка. По карнизу шёл рыжий кот, осторожно ставя лапы.

Даниэль пошёл вниз.

Улица вывела его к небольшой площади. С одной стороны стояли столики под полотняным навесом, с другой начиналась набережная. Над водой склонялись старые деревья, и ветер выворачивал их листья светлой стороной.

Женщина у парапета пыталась освободить шарф, зацепившийся за чугунную решётку.

Она тянула осторожно, но тонкая ткань только сильнее наматывалась на завиток. Даниэль подошёл ближе.

— Разрешите?

Она отступила, придерживая свободный конец.

— Только не порвите. Я уже почти смирилась, но ещё не совсем.

Он снял петлю с железного выступа и расправил ткань. На краю осталась тонкая затяжка.

— Всё-таки испортил.

— Нет. Это я зацепилась.

Она провела пальцем по повреждённому месту и набросила шарф на плечи. На ней было тёмное платье и лёгкое светлое пальто, расстёгнутое из-за тёплого вечера. Волосы из-за ветра всё время оказывались на лице; она убирала их нетерпеливым движением.

— Спасибо, — сказала она. — Вы так смотрели, будто решали, стоит ли спасать меня вместе с шарфом.

— Я пытался понять, где нахожусь.

— И как успехи?

— Пока знаю, что у реки.

Она оглянулась на воду.

— Уже кое-что.

Он улыбнулся. Ответ был простой, но от её голоса, оттого, что она стояла перед ним и ждала продолжения, внутри возникло лёгкое движение — почти забытое.

Женщина заметила пыль на его ладони.

— Вы упали?

— Нет. Трогал стену.

— Зачем?

— Проверял, настоящая ли она.

Она посмотрела через его плечо на улицу.

— И что показала проверка?

— Стена настоящая.

— Хорошее начало.

Даниэль рассмеялся. Слишком громко. На ближайшем столике мужчина с газетой поднял глаза, и Даниэль сразу почувствовал себя неловко.

— Простите.

— За смех?

— Он прозвучал так, будто я давно не смеялся.

— А вы давно не смеялись?

Он хотел ответить шуткой, но вопрос оказался ближе к правде, чем она могла знать.

— Похоже, да.

Она не стала спрашивать. Поправила шарф и посмотрела в сторону моста.

— Вы турист?

— Наверное.

— У туристов обычно есть телефон, карта и уверенность, что все вокруг обязаны знать английский.

Даниэль машинально коснулся кармана. Телефона не было.

— Значит, плохой турист.

— Или очень смелый.

— Я бы не рассчитывал.

— Тогда заблудившийся.

— Это ближе.

Она улыбнулась.

— Вам куда?

— Не знаю.

— Это неудобно.

— Я только что оказался на этой улице.

Он кивнул вверх. Женщина посмотрела туда, куда он показывал.

— Там жилые дома.

— Я вышел из двери.

— Из какой?

— Теперь там стена.

Она снова посмотрела на него. Не испуганно и не насмешливо — скорее проверяя, не продолжает ли он странную шутку.

— Вы выпили?

— Нет.

— Головой не ударялись?

— Тоже нет.

— Жаль. Было бы понятнее.

Он опять рассмеялся. На этот раз тише.

— Я сплю, — сказал он.

Женщина чуть прищурилась.

— А я?

— Вы тоже здесь.

— Это я заметила.

— Я не хотел вас обидеть.

— Пока не обидели. Просто странно услышать от незнакомого человека, что тебя нет.

— Я не сказал, что вас нет.

— Сказали, что спите.

— Может быть, это не исключает вас.

Она несколько секунд смотрела на него, потом отвела глаза к реке.

— Ладно. Пусть не исключает.
По воде прошла длинная рябь. Где-то за мостом ударил колокол — один раз, потом ещё два.

Женщина взглянула на часы.

— Я опоздала.

— Из-за шарфа?

— Из-за себя. Шарф просто удачно подвернулся.

Она сделала несколько шагов вдоль набережной, потом обернулась.

— Вы так и будете стоять возле стены?

— А есть другой вариант?

— Можно дойти до моста. Там хотя бы видно город.

Даниэль пошёл рядом.

Они не представились сразу. Это казалось странным, но он боялся нарушить лёгкость разговора обычным вопросом. Женщина тоже не спрашивала. Она шла быстро; ему приходилось чуть прибавлять шаг. Иногда её плечо оказывалось совсем близко, и тогда он отодвигался к краю тротуара.

Город был старым, но не музейным. Из открытой лавки выносили ящики. На балконе женщина снимала бельё. Мальчик проехал мимо на велосипеде, едва не задев прохожего, и кто-то крикнул ему вслед. В окнах зажегся свет.

— Вы здесь живёте? — спросил Даниэль.

— Недалеко.

— Давно?

— Достаточно, чтобы не смотреть по сторонам.

Она сказала это и тут же подняла голову к фасаду, где под карнизом сидели птицы.

— Хотя иногда смотрю.

— Красивый город.

— Вы видели одну улицу.

— Мне хватило.

— Туристы обычно говорят так на третий день. Потом начинают жаловаться на лестницы и шум.

— Я не уверен, что у меня будет третий день.

— Из-за сна?

— Да.

— И когда вы проснётесь?

— Не знаю.

— Не очень удобный сон.

— Пока мне нравится.

Он сказал это и почувствовал, как взгляд сам собой задержался на её лице.

Она заметила.

Не улыбнулась и не отвела глаза. Просто посмотрела в ответ, спокойно, без кокетства. Даниэль первым отвернулся.

На мосту было ветрено. Река внизу казалась темнее, чем с набережной. Женщина остановилась у каменного ограждения.

— Отсюда видно старую башню, — сказала она и показала на дальний берег. — Вон там, между крышами.

Даниэль долго искал.

— Не вижу.

— Левее.

Он наклонился ближе к ней, чтобы смотреть вдоль её руки. На секунду почувствовал запах её волос — свежий, чуть горький. Башня появилась между двумя домами: узкая, с тёмной крышей.

— Теперь вижу.

— Значит, не зря дошли.

Она опустила руку. Даниэль отступил.

На его пальце блеснуло обручальное кольцо. Он заметил, что она посмотрела на него, и спрятал руку в карман. Движение получилось слишком быстрым.

— Не надо, — сказала она.

— Что?

— Прятать. Я уже увидела.

Ему стало жарко.

— Я не прячу.

— Хорошо.

Она не спросила ни о жене, ни о том, почему он гуляет с незнакомой женщиной в своём сне. Это молчание оказалось хуже вопроса.

— Меня зовут Даниэль, — сказал он.

— Лия.

Она произнесла имя просто, без паузы.

— Лия, — повторил он.

— Да.

Имя подошло ей сразу. Он не знал почему.

— Вы всегда знакомитесь только после того, как успеваете объявить человека частью сна?

— Обычно я вообще так не знакожусь.

— Успокаивает.

Они сошли с моста на другую набережную. Там было тише. Под аркадой работало маленькое кафе, почти все столики стояли пустыми.

Лия остановилась.

— Мне всё-таки нужен кофе. Иначе я начну злиться на всех, кто сегодня не опоздал.

— Вы спешили на встречу?

— Уже нет. Человек, с которым я должна была встретиться, отменил всё, пока я воевала с шарфом.

— Тогда шарф ни при чём.

— Не говорите ему. Он переживёт.

Она выбрала столик у края навеса. Даниэль сел напротив. Стол качнулся, когда он положил на него локти.

— Здесь всё-таки есть недостатки, — сказал он.

Лия взяла сложенную вдвое бумажную салфетку, присела и подсунула её под короткую ножку. Стол перестал шататься.

— Теперь нет.

Подошёл официант. Лия заказала кофе. Даниэль замешкался, не понимая, может ли пить во сне и чем расплачиваться.

— Ему то же самое, — сказала она.

— Я не просил.

— Вы слишком долго думали.

Когда официант отошёл, Даниэль проверил карманы. Бумажника не было.

— У меня нет денег.

— Я догадалась.

— Откуда?

— Вы снова сделали лицо человека, который сейчас признается в преступлении.

— Я верну.

— Когда проснётесь?

— Когда вернусь.

Слова вырвались сами. Лия слегка подняла брови, но ничего не сказала.

Кофе оказался горячим. Даниэль почувствовал горечь, тепло чашки, шероховатость глазури под большим пальцем. Сон продолжал вести себя как жизнь.

— Чем вы занимаетесь? — спросила Лия.

— Сейчас?

— Обычно.

Он ответил. Назвал работу коротко, без подробностей. Здесь она казалась далёкой и неинтересной.

— А вы?

— Сегодня опаздываю, порчу шарфы и угощаю странных людей кофе.

— Насыщенная жизнь.

— Бывают дни хуже.

Он ждал продолжения, но она сделала глоток и посмотрела на прохожих. Даниэлю понравилось, что она не стала ничего добавлять.

— Вы не спросили, женат ли я, — сказал Даниэль.

— Кольцо спросило за вас.

— И вас это не смущает?

Лия поставила чашку.

— Что именно должно меня смущать? Мы пьём кофе.

Он почувствовал себя глупо.

— Да. Конечно.

— А вас смущает?

— Не знаю.

— Тогда лучше не придумывайте ответ заранее.

В её словах не было скрытого приглашения. Она просто вернула вопрос ему.

Даниэль посмотрел на реку. В окнах на другом берегу отражались фонари. Ему следовало вспомнить Анну, соседнюю комнату, её подушку в руках. Он вспомнил. Боль никуда не исчезла. Но рядом с нею жило другое чувство — лёгкое, яркое, почти детское. Ему хотелось, чтобы вечер не кончался.

— Вы грустный, — сказала Лия.

— Был.

— А сейчас?

Он поднял глаза.

— Сейчас не знаю.

— Опять.

— Что?

— Вы часто не знаете.

— Сегодня особенно.

— Может, это полезно.

— Почему?

Лия пожала плечами.

— Когда всё знаешь, разговор быстро заканчивается.

Она улыбнулась, и Даниэль снова почувствовал, как что-то отзывается внутри раньше мысли. Он поймал себя на том, что запоминает её улыбку, положение рук, тонкую затяжку на шарфе.

От этого стало стыдно.

Он допил кофе.

— Мне, наверное, пора просыпаться.

— Вы умеете это делать по желанию?

— Нет.

— Тогда не торопитесь.

— Вы хотели домой.

— Хотела. Потом передумала допивать кофе на ходу.

Они ещё немного посидели. Говорили о пустяках: о башне, которую он не сразу увидел; о коте на карнизе; о том, что в городе легко потеряться, если всё время спускаться к реке. Лия однажды перепутала две похожие площади и почти час ходила кругами. Она рассказывала без загадочности, смеялась над собой и один раз забыла, с чего начала. Даниэль подсказал.

— Вы запомнили, — сказала она.

— На этот раз.

Лия не поняла, почему он ответил именно так, или сделала вид, что не заметила.

Свет на площади стал мягче. От воды поднялся прохладный воздух. Даниэль вдруг испугался, что проснётся без предупреждения и больше её не увидит.

— Вы завтра будете здесь? — спросил он.

Лия посмотрела на него поверх чашки.

— Обычно я прохожу по набережной вечером.

— В это же время?

— Примерно.

— Если я снова окажусь здесь...

— Тогда, может быть, увидимся.

— Вы говорите так, будто это зависит от погоды.

— Я не знаю, от чего это зависит. Вы же спите, Даниэль.

Она впервые назвала его по имени. От одного этого сон стал плотнее.

Он хотел спросить ещё что-нибудь — где именно она живёт, куда шла, кто отменил встречу. Хотел знать, что она будет делать после того, как уйдёт. Но город внезапно дрогнул.

Звук чашки о блюдце стал глухим. Лицо Лии отдалилось, хотя она сидела напротив.

— Что с вами? — спросила она.

— Кажется...

Он не успел договорить.

— Даниэль?

Он потянулся к столу, будто мог удержаться за его край. Пальцы скользнули по дереву. Лия тоже протянула руку, но между ними уже было слишком далеко.

Он проснулся в пустой постели.

Комната была серой от раннего света. На второй половине кровати лежало нетронутое одеяло. Дверь оставалась приоткрытой — так же, как Анна оставила её ночью.

Несколько секунд Даниэль не двигался.

Потом сел и посмотрел на свои ладони. Пыли не было. Пальцы не пахли кофе. Всё исчезло, кроме памяти.

Он мог вспомнить Лию до мелочей: затяжку на шарфе, прядь на щеке, то, как она произнесла его имя. Мог повторить почти весь разговор.

За стеной было тихо. Анна ещё спала в другой комнате.

Даниэль поднялся, подошёл к двери и остановился. Ему следовало пойти к ней. Постучать, сказать, что он не хотел оставлять её одну. Хотя бы попробовать начать разговор заново.

Он не постучал.

Вернулся к кровати и лёг, не закрывая глаз.

В городе у реки оставался столик под навесом. Под одной его ножкой лежала сложенная салфетка. Лия сказала, что обычно проходит там вечером.

Утро только начиналось, но Даниэль уже думал о следующей ночи.

Глава 3. Вторая жизнь

Утром Даниэль слышал шаги в коридоре.

Он уже был одет. На кухне остывал травяной настой. Вторую чашку Даниэль поставил на стол ещё до того, как услышал шаги. Анна появилась босиком; на щеке оставался след от подушки.

— Ты рано.

— Мне пора через двадцать минут.

Анна села. Даниэль подвинул к ней чашку.

Она обхватила её ладонями и посмотрела на пар.

— Чем закончилась история с соседкой? — спросил он.

Анна подняла голову.

— Какая история?

— Про женщину, которая перепутала этаж.

Несколько секунд она смотрела на него, потом всё-таки рассказала. Соседка вышла из лифта этажом ниже и долго пыталась открыть чужую дверь. Муж звал её сверху, а она кричала, что ключ опять заедает. Когда он спустился за ней, она ещё спорила и показывала номер на брелоке.

Даниэль улыбнулся.

— Вчера ты до этого места не дослушал, — сказала Анна.

— Да.

Анна сделала маленький глоток и поморщилась: настой ещё был слишком горячим.

— Я вчера был ужасен, — сказал Даниэль.

— Был.

Анна поставила чашку на блюдце.

Даниэль взглянул на часы.

— Мне надо идти.

Анна кивнула.

В прихожей он надел пальто, взял ключи. Она осталась на кухне. Уже открыв дверь, он обернулся.

— Вечером буду вовремя.

— Хорошо.

Анна придвинула чашку ближе. Даниэль вышел и осторожно закрыл за собой дверь.

На улице было прохладно. Ночью прошёл дождь, и в углублениях между плитами ещё держалась вода. Даниэль шёл к остановке, вспоминая совсем другую мостовую — тёплую, вечернюю, спускавшуюся к реке.

Сон сохранился удивительно ясно.

Он помнил железный завиток, за который зацепился шарф Лии. Помнил, как она назвала своё имя и как оно сразу связалось с её лицом. Помнил, как она протянула к нему руку, когда город начал исчезать.

У входа в здание кто-то придержал ему дверь. Даниэль поблагодарил и через минуту уже отвечал на первый вопрос дня. Работа быстро забрала внимание.

Ближе к полудню женщина напротив убрала волосы нетерпеливым движением. Жест на мгновение напомнил Лию. Даниэль потерял нить, попросил повторить последние слова и вернулся к обсуждению.

В обед он вспомнил, как Лия заметила кольцо и как поспешно он спрятал руку в карман. Даниэль повернул кольцо на пальце и вернулся к работе.

Сон был необычным, подробным, приятным. Через несколько дней от него останется только общее чувство. Так бывало всегда.

Домой он вернулся раньше Анны. На спинке кресла лежал её шарф, возле зеркала стояли туфли, на столе оставалась раскрытая папка. Даниэль прошёл на кухню, вымыл руки и открыл окно.

Анна пришла через полчаса. По тому, как она сняла пальто и некоторое время возилась с застёжкой сумки, он понял, что день у неё был тяжёлый.

— Ты ел? — спросила она.

— Нет. Ждал тебя.

Анна сняла пальто и унесла сумку в комнату.

Даниэль достал тёплый хлеб, сыр, овощи и зелень. Анна принесла тарелки. На узкой кухне им дважды пришлось уступить друг другу дорогу.

За столом Анна рассказала, что ей снова предложили перейти в другой отдел. Предложение было неплохим, но там пришлось бы всё начинать заново.

Даниэль слушал. Один раз переспросил. Потом спросил, что именно её пугает в новом месте.

Анна задумалась.

— То, что придётся заново доказывать, что я умею работать.

— Тебе и здесь всё время приходится это доказывать.

— Здесь хотя бы знают, как меня зовут.

Он кивнул.

Анна несколько раз замолкала, подбирая слова. Даниэль ждал.

После ужина он убрал со стола. Анна постояла у окна, глядя на мокрые крыши, и ушла в другую комнату. Через несколько минут она внесла в спальню подушку и книгу. Положила их на свою сторону кровати и вышла умыться.

Даниэль выключил свет на кухне.

Позже они легли каждый на своей половине. Анна читала, Даниэль смотрел в потолок. Между ними оставалось расстояние, но стена теперь была только стеной.

— Ты не спишь? — спросила Анна.

— Пока нет.

— Я тоже.

Она закрыла книгу и положила её на тумбочку. Свет погас.

В темноте перед ним на мгновение возник город у реки. Он почти услышал, как вода ударяется о камень.

Интересно, подумал он, почему иногда сон остаётся в памяти почти целиком, а иногда исчезает ещё до того, как откроешь глаза.

Лия сказала, что обычно проходит по набережной вечером.

Он усмехнулся. Продолжения у сна не бывает. Утром остаются отдельные лица и места, а ночью приходит что-нибудь другое.

Анна повернулась. Её нога коснулась его ноги под одеялом и осталась рядом.

Даниэль закрыл глаза.

— Даниэль?

Он открыл их снова.

Лия сидела напротив. Её рука всё ещё была протянута над столом. На блюде дрожала чашка — тот самый короткий звон, который он услышал перед пробуждением, ещё не успев стихнуть.

Даниэль резко вдохнул.

Лия отдернула руку.

— Что произошло?

Он огляделся. Под навесом стояли те же люди. Официант нёс к дальнему столику поднос. На реке лежала та же полоса света. Даже салфетка под ножкой стола оставалась сложенной так, как Лия её положила.

— Я проснулся.

— И снова уснули?

— Прошёл целый день.

Лия посмотрела на чашку, потом на него.

— Вы исчезли только что.

Даниэль коснулся края стола. Тот не качнулся.

Лия следила за его рукой.

— Здесь ничего не изменилось.

— Я не успела убрать руку.

Они замолчали.

Сон продолжился с той самой секунды.

Официант подошёл к столу.

— Мы закрываемся.

Лия кивнула, поднялась и накинула шарф. Даниэль тоже встал.

— Вы куда? — спросила она.

— Не знаю.

— Опять?

Он рассмеялся. На этот раз не громко.

— Вы хотите пройтись? — спросила Лия.

— Да.

Они вышли на набережную.

Воздух стал прохладнее. Над рекой тянулся лёгкий туман, и дальний берег казался нарисованным. Лия шла медленнее, чем прежде, и время от времени поглядывала на Даниэля.

— Вы действительно прожили целый день? — спросила она.

— Да.

— И всё помнили?

— Почти всё.

— Даже шарф?

— Даже затяжку.

Лия посмотрела на край ткани.

— А я уже почти перестала её замечать.

Начался мелкий дождь. Редкие холодные капли быстро темнили камень. Лия раскрыла зонт, но порыв ветра вывернул одну спицу.

Даниэль попытался её поправить. Спица встала на место и тут же выскочила снова. Лия засмеялась. Ещё один порыв едва не вырвал зонт у них из рук, и они побежали под каменную аркаду.

Остановились у закрытой лавки, мокрые по плечам. Лия сложила бесполезный зонт. Даниэль провёл ладонью по волосам, стряхивая воду, и тоже рассмеялся.

С площади доносилась музыка. Кто-то в открытом окне разучивал короткую фразу и всякий раз ошибался на последних нотах.

Лия прислушалась.

Музыкант начал сначала. Почти дошёл до конца и снова сбился.

— Ещё раз, — тихо сказала Лия.

Дождь усилился. Прохожие перебежали площадь, прикрывая головы. Несколько минут они стояли рядом и слушали одну и ту же мелодию.

На следующей попытке последняя нота прозвучала чисто. В окне стало тихо.

Лия подняла лицо и похлопала. Из темноты показалась рука и коротко помахала. Даниэль тоже поднял ладонь.

Дождь слабел. Они вышли из-под аркады и пошли через площадь. Лия несла сложенный зонт, с его края стекала вода.

— А вы чем занимались там? — спросила она.

— Работал.

— Это я поняла. Что ещё?

Даниэль вспомнил утренний стол, Анну с чашкой в ладонях, вечерний разговор.

— Был дома.

Лия посмотрела на него и перевела взгляд на площадь.

— У вас там тоже шёл дождь? — спросила она.

— Ночью. Утром на улице остались лужи.

— Значит, наши города хотя бы в чём-то договорились.

Они дошли до моста. Ветер над водой был сильнее. Лия убрала зонт под мышку и придерживала шарф.

Даниэль посмотрел на её профиль. На его руке блеснуло кольцо. Лия скользнула по нему взглядом и снова посмотрела на реку.

На середине моста она остановилась.

— Вы теперь верите, что это не обычный сон?

— Не знаю, во что верить.

— Но вернулись.

— Я не выбирал.

— А хотели?

Вопрос прозвучал просто. Даниэль посмотрел на воду и помедлил.

— Да, — сказал он.

Лия едва заметно выдохнула.

— Хорошо, — сказала она.

Они пошли дальше.

За мостом улицы становились уже. В окнах горел тёплый свет, кое-где были задёрнуты занавески. У одной двери стояла корзина с поздними яблоками и маленькая табличка с ценой. Лия выбрала два, положила монеты в жестяную коробку и одно протянула Даниэлю.

— У меня нет денег, — сказал он.

— Я уже заплатила.

Он взял яблоко. Оно было прохладным, с запахом дождя и листьев.

— Спасибо.

Лия кивнула.

Они ели яблоки, стоя у перил небольшой лестницы. Внизу между домами был виден кусок реки. На обратном пути Даниэль узнал поворот к мосту и тёмную крышу башни между домами.

Лия бросила сердцевину в корзину у стены.

— Мне пора, — сказала она.

— Я провожу.

Она покачала головой.

— Дальше я одна.

— Хорошо.

Они вернулись к набережной. Дождь прекратился. На камнях дрожали отражения фонарей.

У поворота Лия остановилась.

— Вы можете исчезнуть опять?

— Наверное.
— Без предупреждения?
— В прошлый раз я ничего не успел понять.
Она кивнула.
— Тогда скажите сейчас.
— Что?

Лия перехватила сложенный зонт обеими руками.

— Вы ещё придёте?
— Если смогу.
— Я не об этом.

Город начал отдаляться. Даниэль почувствовал это по звуку реки: вода стала тише, хотя они стояли совсем рядом.

— Я хочу вернуться, — сказал он.
Лия выдохнула и закрыла глаза на мгновение.
— Я буду здесь.
Лия шагнула ближе.

Даниэль протянул руку, но между ними уже сгущалась тёмная глубина. Последним он увидел сломанный зонт в её руке и тонкую затяжку на шарфе.

Он проснулся рядом с Анной.

За окном ещё не рассвело. В комнате было тихо. Анна спала на своей половине, повернувшись к нему лицом.

Даниэль лежал неподвижно. Дождь, повторявшаяся мелодия, прохладное яблоко, голос Лии — всё оставалось ясным.

Где-то у реки оставался вечер, который продолжится, когда он снова закроет глаза.

До утра было ещё далеко.

Даниэль уже ждал следующей ночи.

Глава 4. То, что вернулось

До рассвета Даниэль больше не уснул.

Анна лежала на своей половине, повернувшись к стене. За окном понемногу серело; в комнате проступали вещи, которые ночью казались плоскими тенями. На спинке кресла висела её одежда, на подоконнике стояла книга, которую она вчера принесла из другой комнаты. Всё было на прежних местах.

Только вечер у реки не уходил.

Он снова слышал одну и ту же музыкальную фразу под аркадой, чувствовал холод яблока в ладони, видел, как Лия перехватила сломанный зонт двумя руками.

«Я буду здесь».

В этом и была нелепость. Человек не может быть где-то внутри чужого сна и ждать следующей ночи.

Даниэль посмотрел на часы.

Через сорок минут нужно было вставать.

На работе утро съело его быстро. Сопровождение затянулось, потом пришлось переделывать цифры в отчёте, который кто-то успел отправить раньше проверки. К полудню Лия отодвинулась куда-то на край памяти, и Даниэль почти обрадовался этому.

В столовой Марк поставил поднос напротив него и сразу отодвинул в сторону телефон.

— Ты чего такой?

— Какой?

— Не знаю. Не здесь.

Даниэль усмехнулся.

— Я здесь.

— Убедительно.

Марк был одним из немногих людей, с которыми не нужно было заполнять каждую паузу. Они познакомились ещё до свадьбы Даниэля, несколько лет работали в разных местах, потом снова оказались в одной компании. Иногда виделись дважды за неделю, иногда пропадали, не видя друг друга месяц и продолжали разговор с той же фразы.

Марк начал рассказывать о человеке из соседнего отдела, который третий день спорил с бухгалтерией из-за командировки. Даниэль слушал, потом вдруг перебил:

— Тебе когда-нибудь снился один и тот же сон несколько раз?

Марк замолчал.

— Сейчас?

— Что сейчас?

— Прямо сейчас тебе это обязательно узнать?

— Забудь.

— Нет, подожди. Один и тот же — это как? Опять школа, экзамен, а ты ничего не выучил?

— С продолжением.

Марк перестал улыбаться.

— В смысле — продолжился с того места, где закончился?

— Да. Было такое?

— У меня — нет.

Даниэль взял стакан воды.

— Вот и у меня раньше не было.

Марк подождал.

— И?

— Ничего. Просто спросил.

— Даня.

— Потом.

— Ладно.

Марк вернулся к своей командировке, но через несколько минут всё-таки взглянул на него поверх стакана.

— Хороший хоть сон?

Даниэль вспомнил Лию на мосту.

— Да.

Марк кивнул и вернулся к своей командировке.

К вечеру Даниэль устал сильнее обычного. В метро он дважды ловил себя на том, что закрывает глаза, и каждый раз открывал их раньше, чем успевал задремать.

Ему было смешно от собственной осторожности.

Словно сон мог начаться без него.

Дома Анна стояла у шкафа и перекладывала бумаги из одной папки в другую.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

Она не обернулась.

— Ты ела?

— Да.

На столе лежал конверт с логотипом компании. Даниэль узнал название — Анна говорила о нём вчера.

— Это оттуда?

Теперь она посмотрела на него.

— Откуда?

— Из нового отдела.

— А. Да.

Она закрыла папку.

— В четверг зовут поговорить ещё раз.

— Уже окончательно?

— Не знаю.

— Во сколько?

Анна назвала время.

Даниэль кивнул и прошёл в спальню переодеваться.

За ужином Анна читала письмо в телефоне.

— Там что-то изменили? — спросил Даниэль.

— Нет. Прислали программу встречи.

Она пролистала ниже.

— И список людей.

— Тот руководитель будет?

— Будет.

Анна подняла глаза от экрана. Даниэль узнал этот короткий взгляд: она проверяла, действительно ли он помнит, о ком речь. Потом положила телефон рядом с тарелкой.

В комнате она снова взяла книгу.

— Ты рано ложишься, — сказала она, когда он лёг.

— Не выспался.

— Вижу.

Она перевернула страницу.

Даниэль закрыл глаза.

Теперь всё было проще.

Он ждал.

Сначала ничего не было.

Потом под ногами оказался камень.

Даниэль открыл глаза.

Набережная была пустой.

Он стоял у того же поворота, где исчез несколько часов назад. Дождь закончился, но мостовая ещё блестела. От реки тянуло сыростью. На другой стороне площади уже закрыли навес над кафе; столики стояли один на другом.

Лии не было.

Даниэль оглянулся.

Мост. Аркада. Тёмная улица, по которой они возвращались.

Никого.

Он пошёл к мосту, сначала медленно, потом быстрее.

Смешно. Он ведь понятия не имел, почему она должна стоять именно здесь. Она сказала: «Я буду здесь». Может быть, для неё прошло пять минут. Может быть, час. Может быть, вообще ничего не прошло.

На середине моста он остановился.

Внизу по воде тянуло отражения фонарей. Старую башню на другом берегу почти закрывал туман.

— Вы всегда так быстро уходите?

Он обернулся.

Лия стояла у входа на мост. Сломанный зонт был зажат под мышкой, шарф она обернула вокруг шеи дважды. Волосы собрала, и от этого лицо казалось другим — строже, взрослее.

Даниэль пошёл ей навстречу.

— Я вас искал.

— Вижу.

— Давно вы здесь?

Она пожала плечами.

— Успела замёрзнуть.

— Для меня прошёл целый день.

— А для меня не целый.

— Сколько?

Лия посмотрела на реку.

— Не знаю. Сначала стояла здесь. Потом ушла. Потом решила вернуться.

— Почему?

— Вы сказали, что хотите прийти.

Она произнесла это без улыбки, и Даниэль вдруг почувствовал неловкость, будто опоздал на настоящую встречу.

— Я пришёл.

— Я вижу.

Несколько секунд они стояли друг напротив друга.

Потом Лия протянула ему зонт.

— Держите.

— Зачем?

— Вы его сломали.

— Его сломал ветер.

— Ветер не вернётся чинить.

— А я вернусь?

Лия посмотрела на него.

— Уже вернулись.

Даниэль взял зонт.

— Ладно. Попробую.

— Только не сейчас.

— Почему?

— Потому что я хочу вам кое-что показать.

— Опять башню?

— Башню вы еле нашли. Рано повышать сложность.

Она пошла с моста в сторону верхнего города. Даниэль догнал её.

На этот раз они почти не говорили. Лия шла быстро, сворачивая туда, где улицы становились уже и круче. В одном месте пришлось подняться по длинной лестнице между домами. Наверху открылся маленький двор с колодцем и старым деревом, растущим прямо из камня.

Лия остановилась.

— Здесь.

Перед ними была глухая стена.

Она огляделась.

— Нет.

— Что?

Лия подошла ближе и провела ладонью по штукатурке.

— Здесь был проход.

Даниэль посмотрел на стену. Она выглядела так, будто стояла здесь сто лет: выцветший камень, тёмные потёки, узкая трещина от окна второго этажа до самой земли.

— Вы уверены?

— Да.

Она обошла дерево и заглянула за колодец.

— Там была арка. За ней лестница наверх.

— Может, не тот двор?

Лия резко посмотрела на него.

— Тот.

В её голосе впервые прозвучало раздражение — настоящее, не игровое. Даниэль поднял руки.

— Хорошо.

— Я здесь сотни раз проходила.

Он снова посмотрел на стену.

— В моём сне?

Лия повернулась к нему.

— В вашем?

— Вы же сами согласились.

— Я согласилась, что вы так считаете.

— Тогда чьё это всё?

Она махнула рукой в сторону стены.

— Если ваше — верните лестницу.

Даниэль рассмеялся.

Лия сначала сердито смотрела на него, потом тоже не выдержала.

— Очень смешно.

— Я стараюсь.

— Плохо стараетесь.

— Сейчас.

Он положил ладонь на стену, закрыл глаза и торжественно сказал:

— Лестница.

Ничего не произошло.

Лия скрестила руки.

— Ещё раз.

— Не давите на меня.

— Это ваш сон.

— Вот именно. Я здесь главный.

В ту же секунду погас свет.

Сначала в их дворе. Потом в окнах дома напротив. За стеной один за другим исчезли фонари. Через несколько секунд весь верхний квартал провалился в темноту.

Лия перестала смеяться.

— Это вы?

— Хотел лестницу.

Где-то внизу хлопнула дверь. Раздались голоса. Кто-то зажёл свечу в окне, и на стене напротив качнулась большая тень.

— Пойдёмте, — сказала Лия.

— Куда?

— Отсюда.

Она первой шагнула к лестнице и сразу остановилась. В темноте ступени слились в одну чёрную полосу.

Даниэль протянул руку.

— Давайте.

— Я вижу.

— Конечно.

Лия сделала ещё один шаг и задела носком край ступени.

— Ладно.

Она взяла его за руку.

Ладонь у неё была холодная.

Они спускались медленно. Внизу становилось шумнее: люди выходили на улицу, кто-то светил фонарём, из открытого окна мужчина кричал соседу, что электричество пропало во всём квартале. Даниэль чувствовал пальцы Лии и старался смотреть под ноги.

На середине лестницы она вдруг потянула его в сторону.

— Сюда.

— Там стена.

— Там переулок.

— После вашей лестницы я начинаю сомневаться.

— И правильно.

Переулок действительно оказался. Узкий, почти без окон. Они прошли его насквозь и вышли на площадку над городом.

Здесь было темнее, чем внизу. Без фонарей крыши сливались в одну массу, река угадывалась только по редким огням лодок. Небо, наоборот, стало огромным.

Лия отпустила его руку.

Даниэль только тогда заметил, что всё это время держал её слишком крепко.

— Простите.

— За что?

Он посмотрел на свою ладонь.

— Неважно.

Лия подошла к каменной ограде.

— Вот сюда я и хотела вас привести.

— Через стену?

— Через лестницу.

— Которой нет.

— Была.

— Верю.

Она бросила на него быстрый взгляд.

— Не верите.

— Уже не знаю.

Он встал рядом.

Внизу кто-то зажжёт несколько свечей на балконе. Потом ещё одно окно стало жёлтым. Город не исчез из-за темноты — наоборот, будто проступил глубже: голоса, стук посуды, шаги, далёкий смех. Без электрического света всё оказалось ближе.

— Вы правда здесь раньше были? — спросил Даниэль.

— Правда.

— Много раз?

— Да.

— До меня?

Лия посмотрела на него.

— Разумеется.

— Но если это мой сон...

— Опять?

— Я пытаюсь понять.

— Не получается?

— Пока нет.

Она отвернулась к городу.

— У меня тоже.

Вот этого он не ожидал.

— Что именно?

Лия молчала.

— Лия?

— Когда вы исчезли в первый раз, я решила, что всё закончилось.

— Что закончилось?

Она пожала плечами.

— Вы.

Даниэль смотрел на неё.

— А потом я вернулся.

— Да.

— И это вас удивило?

— А вас нет?

— Меня — очень.

Лия усмехнулась, но улыбка быстро исчезла.

— Тогда мы хотя бы в одном месте.

Где-то далеко загорелся первый ряд фонарей. Свет медленно пошёл по улице снизу вверх. Сначала один квартал, потом следующий. На площади снова стали видны крыши, окна, белая стена двора, где исчезла лестница.

Лия посмотрела туда.

— Вот теперь я точно не понимаю.

— Что?

— Ничего.

Она сказала это слишком быстро.

Даниэль повернулся к ней.

— Вы сейчас сделали ровно то, что делают люди, когда не хотят отвечать.

— А вы большой специалист?

— Женат семь лет.

Лия опустила глаза на его руку.

Обручальное кольцо блеснуло в вернувшемся свете.

Лия отпустила край ограда и отступила на полшага. Поправила шарф, хотя он лежал ровно.

Даниэль положил ладони на холодный камень.

— Пойдёмте обратно, — сказала она. — Скоро совсем поздно.

— Для кого?

Она посмотрела на него, будто вопрос был сложнее, чем прозвучал.

— Для меня.

Они пошли вниз другой дорогой.

Свет уже вернулся почти везде. Люди расходились по домам, кто-то убирал свечи с подоконников. У одной двери женщина спорила с ребёнком, который хотел оставить свечу гореть до утра.

Лия шла чуть впереди.

— Вы всегда уходите в одно и то же время? — спросил Даниэль.

— Куда?

— Домой.

— Нет.

— А где дом?

Она обернулась.

— Мы знакомы третий вечер.

— Я знаю.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Что знаете.

Он улыбнулся.

— Я всё равно узнаю.

Лия прошла несколько шагов молча. Потом сказала:

— Самоуверенно.

— Это был вопрос.

— Нет.

— Хорошо. Тогда вопрос: я когда-нибудь узнаю, где вы живёте?

Она посмотрела на него через плечо.

— Может быть.

Это было первое обещание, которое она ему дала.

У набережной они остановились.

На месте, где прежде стояли столики, теперь оставались только перевёрнутые стулья под навесом. Река шумела сильнее после дождя.

— Если вы снова исчезнете, — сказала Лия, — не ищите меня на мосту.

— Почему?

— Я там сегодня замёрзла.

— Тогда где?

Она подумала.

— Видите башню?

Даниэль нашёл её между крышами быстрее, чем в первый раз.

— Вижу.

— Под ней есть маленькая площадь. Приходите туда.

— Завтра?

Лия посмотрела на него.

— У вас — завтра.

— А у вас?

Она едва заметно нахмурилась.

— Не знаю.

— Как можно не знать?

— Вот так.

Контур её лица вдруг поплыли, словно между ними прошла прозрачная вода.

— Опять? — спросила Лия.

Он кивнул.

— Похоже.

Она шагнула ближе.

— Тогда площадь под башней.

— Я запомню.

— Правда?

— Я уже нашёл башню без вашей помощи.

Лия улыбнулась.

— Наконец-то.

Даниэль тоже улыбнулся, но почти сразу стало не до смеха.

Расстояние между нимиросло, хотя никто не двигался.

Лия протянула руку.

На этот раз он успел взять её.

Её пальцы сомкнулись на его пальцах.

Обручальное кольцо оказалось между их ладонями.

Лия почувствовала его. Даниэль понял это по тому, как на мгновение ослабла её рука.

Но она не отняла её.

Город исчез.

Даниэль проснулся резко, сжав ладонь.

Анна лежала рядом, спиной к нему. На тумбочке горел красный огонёк зарядки.

Он разжал пальцы.

Кольцо было на месте.

Утром Анна долго стояла перед зеркалом, пытаясь застегнуть серьгу. Даниэль уже надел пальто, когда услышал её раздражённый вздох.

— Дай.

— Что?

— Серьгу.

Она повернулась к нему.

— Я сама.

— Я вижу.

Анна протянула серьгу.

Даниэль застегнул маленький замок. Пришлось отвести в сторону прядь волос. Она стояла неподвижно.

Когда он закончил, Анна посмотрела на него в зеркало.

— Спасибо.

— Не за что.

Он уже взялся за ручку двери, когда вспомнил:

— В четверг у тебя встреча в семь?

Анна обернулась.

— В семь.

— Если не перенесут?

— Если не перенесут.

Он кивнул.

Анна смотрела на него ещё секунду, будто ждала продолжения. Потом поправила серьгу.

— Пока.

— Пока.

На улице Даниэль прошёл полквартала и только тогда заметил, что улыбается.

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять почему.

Не из-за Анны.

Под башней была площадь.

Глава 5. Два вечера

К одиннадцати утра Даниэль третий раз открыл один и тот же файл.

Первые две строки он уже помнил. Дальше взгляд проходил по тексту, доходил до середины страницы и возвращался к началу. В правом нижнем углу экрана менялось время. Даниэль ловил себя на том, что замечает это слишком часто.

В какой-то момент он откинулся на спинку кресла и посмотрел в окно.

Под башней была площадь.

Он увидел её так ясно, будто стоял там уже сейчас: невысокие деревья, тёмный камень, часы над крышами. Лия сказала: «Приходите туда».

И сжала его руку уже после того, как почувствовала кольцо.

Даниэль улыбнулся.

— Так.

Он вздрогнул.

Марк стоял в дверях с папкой под мышкой.

— Что?

— Ничего. Продолжай.

— Что продолжать?

Марк вошёл и положил папку на край стола.

— Вот это.

— Что «это»?

— Лицо.

Даниэль посмотрел на него.

— Ты пришёл по делу?

— Уже начинаю сомневаться.

Марк открыл папку, достал два листа и положил перед ним.

— Здесь подпись. Здесь посмотри цифру, потому что вчера они опять поменяли расчёт.

Даниэль взял первый лист.

— Хорошо.

— Нет, не хорошо.

— Что ещё?

— Ты читаешь вверх ногами.

Даниэль перевернул лист.

Марк сел напротив.

— Дань, я это лицо знаю с пятнадцати лет.

— Какое лицо?

— Такое. Когда тебе всё время смешно и ты делаешь вид, что ничего не происходит.

— У меня хорошее настроение. Это запрещено?

— Нет. Просто последний раз ты так старательно скрывал хорошее настроение, когда познакомился с Анной.

Даниэль перестал крутить ручку.

Марк увидел это и чуть поднял брови.

— Ого.

— Не начинай.

— Я ещё ничего не сказал.

— Вот и молодец.

Марк потянулся за папкой.

— Ладно. Подпишешь потом.

Он уже встал, когда Даниэль сказал:

— Подожди.

Марк снова сел.

Даниэль посмотрел на закрытую дверь, потом на экран. Из коридора доносились голоса, кто-то смеялся возле принтера.

— Мне кажется, я влипаю.

Марк некоторое время молчал.

— Это уже хуже, чем хорошее настроение.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

— Мне кажется... — Даниэль усмехнулся, будто сам услышал нелепость следующей фразы. — Мне кажется, я влюбляюсь.

Марк медленно откинулся на спинку стула.

— Так.

— Только не делай это своё «так».

— Какое?

— Как будто сейчас будешь разбирать меня по пунктам.

— Не буду. Я пытаюсь понять, кого я пропустил.

Даниэль покачал головой.

— Никого ты не пропустил.

— Мы работаем в одном здании. Если она из наших, вероятность небольшая, но всё-таки...

— Она не из наших.

— Отлично. Уже легче. Кто?

— Лия.

— Фамилия?

— Не знаю.

Марк посмотрел на него внимательнее.

— Где познакомились?

Даниэль потерял край листа.

— Вот здесь начинается идиотская часть.

— До сих пор всё было очень достойно.

— Она мне снится.

Марк ждал продолжения.

Даниэль не продолжил.

— В смысле?

— В прямом.

— Подожди.

Марк посмотрел на дверь, потом снова на Даниэля.

— Ты сейчас меня разыгрываешь?

— Нет.

— Ты только что сказал, что влюбляешься в женщину, которая тебе снится.

— Да.

— Хорошо.

— Вот опять.

— Нет, теперь это другое «хорошо».

Марк потёр ладонью лицо.

— Ты нормально спишь?

— До недавнего времени.

— Температуры не было?

— Марк.

— Я уточняю. Может, тебя сначала к врачу, а потом уже женить на женщине из сна. Даниэль рассмеялся.

— Я знал, что зря начал.

— Нет, теперь поздно. Рассказывай.

— Ты всё равно не поверишь.

— Я пока и не обязан.

Даниэль помолчал.

— Помнишь, я вчера спросил про сон, который продолжается с того же места?

Марк несколько секунд смотрел на него, потом щёлкнул пальцами.

— А. Точно. Это было твоё «потом».

— Вот.

— Я думал, ты ночью пересмотрел что-нибудь странное.

— Я тоже сначала так думал.

Даниэль рассказал про женщину у реки.

Сначала коротко. Потом обнаружил, что сокращать не получается.

Шарф, зацепившийся за железный завиток. Кафе у воды. Кольцо, которое Лия заметила раньше, чем он успел убрать руку. Пробуждение. День. Вторая ночь — и чашка, всё ещё дрожащая на блюде, будто между двумя секундами не вместились работа, дом, ужин с Анной и целый прожитый день.

Марк перебил:

— Стоп. Вот это ещё раз.

Даниэль повторил.

— Ты уверен, что тебе не приснилось, будто чашка продолжает дрожать?

— Конечно, не уверен. Это сон.

— Тогда где чудо?

— Нигде. Я не говорю, что это чудо.

— Хорошо.

— Я говорю, что она тоже помнила.

— Кто — она?

— Лия.

— Дань, это всё ещё твой сон.

— Я знаю.

— Если твой мозг придумал женщину, он вполне способен придумать ей память.

— Тоже знаю.

Марк развёл руками.

— Пока я побеждаю.

— Вчера она повела меня через верхний город. Сказала, что знает проход. Мы пришли — вместо прохода стена.

— Бывает.

— Она разозлилась.

— На стену?

— На меня. Я сказал, что это мой сон и, если ей так нужна лестница, сейчас верну.

Марк усмехнулся.

— Вернул?

— Вырубил свет во всём квартале.

Марк перестал улыбаться.

— Во сне.

— Во сне.

— И что?

— Ничего. Люди вышли на улицу. Кто-то зажёл свечи. Мужик из окна орал соседу, что света нет на всём квартале. А Лия испугалась.

— Почему это важно?

Даниэль задумался.

— Потому что я тоже испугался. Я же не собирался этого делать.

Марк взял ручку со стола и покрутил между пальцами.

— Сон умеет удивлять человека, которому снится. Иначе половина кошмаров не работала бы.

— Я понимаю.

— Нет, я серьёзно. Пока всё объясняется довольно скучно: ты весь день думаешь о женщине, ночью мозг снимает следующую серию.

Даниэль улыбнулся.

— Вот поэтому я тебе и не хотел рассказывать.

— Врёшь.

— Почему?

— Потому что хотел. Очень.

Даниэль посмотрел на него.

Марк указал ручкой на его лицо.

— Ты уже минут пятнадцать рассказываешь мне сон, который якобы невозможно объяснить. Но каждый раз, когда говоришь «Лия», становишься на два года моложе.

— Иди ты.

— Вот. Опять.

Даниэль отнял у него ручку.

— Она просто...

Он замолчал.

— Что?

— Не знаю.

— Это сильное описание.

Даниэль покрутил ручку в пальцах.

— Она смешная.

— Уже лучше.

— Не в смысле, что всё время шутит. Иногда вообще не понимает, что сказала смешное. Иногда, наоборот, специально меня цепляет. Вчера разозлилась по-настоящему. Потом через минуту сама смеялась. Она знает этот город, но не всё. Или делает вид, что не всё.

— Делает вид?

— У неё бывает такое лицо...

— Какое?

— Как будто она уже ответила, а потом поняла, что не должна была.

Марк слушал.

Даниэль продолжил:

— И ещё она ждала меня.

— Где?

— На мосту. Потом вчера сказала прийти сегодня на площадь под башней.

— Назначила свидание.

— Не называй так.

— Почему?

Даниэль открыл рот и закрыл.

Марк улыбнулся.

— Вот именно.

Несколько секунд оба молчали.

— Я знаю, как это звучит, — сказал Даниэль.

— Нет. Самое смешное, что ты уже перестал слышать, как это звучит.

— А как?

— Ты мне не про сон рассказываешь.

Даниэль посмотрел на него.

— А про что?

— Про девушку, с которой познакомился.

Слово «девушка» прозвучало слишком обычно. От этого стало ещё страннее.

Даниэль опустил взгляд на кольцо.

— Поэтому я и сказал, что влипаю.

Марк перестал шутить.

— Ты её сегодня увидишь?

— Если усну и окажусь там.

— Уже слышишь себя?

— Да.

— И всё равно ждёшь.

Даниэль ответил после паузы:

— Да.

Марк кивнул.

— Ладно.

— Что «ладно»?

— Ничего. Посмотрим, что будет дальше.

— Это не сериал.

— Пока очень похож.

Даниэль рассмеялся.

Марк встал и взял папку.

— Подпись всё-таки нужна.

— Оставь.

— И ещё одно.

— Что?

Марк уже взялся за ручку двери.

— Если башня начнёт сниться мне, я сразу увольняюсь.

— Договорились.

Он открыл дверь.

— Марк.

Тот обернулся.

Даниэль ничего не объяснял. Только посмотрел на него.

Марк понял.

— Это останется здесь.

— Спасибо.

— Я умею.

И вышел.

Даниэль некоторое время смотрел на закрытую дверь.

Марк действительно умел.

Они познакомились ещё подростками. За те годы между ними бывало всякое: глупости, о которых смешно вспоминать, вещи, о которых лучше не вспоминать совсем, первая серьёзная

ссора Даниэля с отцом, смерть матери Марка, ночь перед свадьбой, когда Даниэль позвонил ему после полуночи и сказал, что, возможно, совершает самую большую ошибку в жизни.

На следующий день Марк сидел рядом с Анной, ел пирог и спорил с ней о музыке так, будто ночного звонка не было.

Анну он знал почти столько же, сколько длились их отношения. Бывал у них дома, помогал таскать коробки при переезде, однажды встречал их из аэропорта в три часа ночи. За последние годы они виделись реже, но это ничего не меняло.

Даниэль открыл рабочий файл.

На этот раз прочёл страницу до конца.

В половине шестого он поймал себя на том, что смотрит не на часы в углу экрана, а на темнеющее окно.

До вечера оставалось совсем немного.

Мысль принесла неожиданное удовольствие.

Он выключил компьютер.

Анна написала, когда он уже спускался на лифте:

«Ты сегодня поздно?»

Даниэль ответил:

«Нет. Что купить?»

Через несколько секунд пришло:

«Хлеб. И если найдёшь хорошие персики».

У магазина он действительно нашёл персики. Взял четыре, потом вернулся и положил ещё два.

Дома Анна сидела на полу в гостиной, разложив вокруг себя бумаги. Увидев пакет, она заглянула внутрь.

— Шесть?

— Они хорошие.

— Мы кого-то ждём?

— Я съем четыре.

— Тогда точно хорошие.

Она взяла один, понюхала и положила обратно.

Даниэль снял пальто.

— Ты завтра занята?

Анна подняла голову.

— Смотря что считать занятостью.

— Помнишь город у озера?

Она ещё секунду смотрела на него.

— Куда мы собирались весной?

— Да.

— Помню.

— Поедем?

Анна медленно положила лист на стопку.

— Завтра?

— Завтра.

— Ты серьёзно?

— Вполне.

— Утром?

— Это необязательная часть поездки?

Она улыбнулась.

— Там два часа дороги.

— Значит, утром.

Анна встала и подошла к столу за телефоном.

— Я расписание удалила.

— Я найду.

— Ты точно Даниэль?

— Документы показать?

— Пока нет.

Они стояли рядом над экраном. Анна нашла старую переписку с маршрутом, Даниэль открыл билеты. Был поезд в восемь десять.

— Это жестоко, — сказал он.

— Всё. Отмена.

— Я не сказал, что не поеду.

Анна посмотрела на него и вдруг рассмеялась.

Даниэль тоже.

Через несколько минут два билета лежали в телефоне.

За ужином Анна рассказывала про человека, с которым встречалась накануне по поводу новой работы. Даниэль слушал, но не так, как несколько месяцев до этого, когда разговор начинал медленно превращаться в шум. Он замечал, когда она злилась, когда пыталась защитить человека, который ей не понравился, когда сама себе противоречила.

Один раз Анна поймала его взгляд.

— Что?

— Ничего.

— Ты сегодня всё время улыбаешься.

— День удачный.

— Что случилось?

Даниэль потянулся за хлебом.

— Ничего особенного.

Анна ещё немного смотрела на него, потом продолжила рассказ.

Позже они собирали маленький рюкзак. Анна положила внутрь воду, складной зонт и тонкую накидку.

— Зонт зачем?

— Чтобы дождя не было.

— Работает?

— Безотказно.

— Тогда бери два.

Анна фыркнула и закрыла молнию.

Даниэль посмотрел на часы.

До сна оставалось меньше часа.

Он заметил эту мысль сразу.

Анна стояла спиной, убирая со стула одежду на завтра. Даниэль подошёл и забрал у неё сложенную рубашку.

— Это моё.

— Я знаю.

— Тогда зачем взял?

— Повешу.

Анна посмотрела на него с лёгким недоверием, потом отдала рубашку.

— Что с тобой?

— Хорошее настроение.

— Я уже слышала.

Даниэль повесил рубашку в шкаф.

— Не нравится?

Анна помедлила.

— Нравится.

И добавила тише:

— Просто непривычно.

Он посмотрел на неё.

Она уже закрывала рюкзак.

В постели Анна заснула быстро. Утренний поезд был достаточным оправданием раннему свету и ранней тишине в комнате.

Даниэль лежал рядом с закрытыми глазами.

Теперь он не просто хотел увидеть город.

На площади под башней его могла ждать Лия.

Он почувствовал, как от этой мысли учащается сердце, и чуть усмехнулся самому себе.

Потом исчез потолок.

* * *

Первым он увидел часы.

Башня поднималась прямо над площадью. Большая стрелка стояла почти на девяти, маленькая не доходила до неё. Под циферблатом тянулся узкий балкон, на каменном бортике сидела одна птица.

Даниэль огляделся.

Фонтан без воды. Три дерева. Закрытый киоск. Улица, уходящая вниз к реке.

Лии не было.

Он дошёл до фонтана и остановился.

Восемь минут — глупость. Особенно здесь. За один его день Лия успевала сделать несколько шагов, а иногда рассказывала о местах, в которых бывала до него. Время в этом городе уже несколько раз отказывалось вести себя прилично.

Минутная стрелка щёлкнула.

Даниэль поднял глаза.

— Уже считаете?

Он обернулся.

Лия стояла у дерева на другом конце площади.

Сегодня на ней было тёмное пальто и светлый шарф. Волосы она собрала небрежно, несколько прядей выбились у виска. Она явно шла быстро: щеки порозовели от холода, дыхание ещё не успело стать ровным.

Даниэль пошёл ей навстречу.

— Я не считал.

— Конечно.

— Часы сами.

— И сколько они насчитали?

— Восемь минут.

Лия улыбнулась.

— Значит, всё-таки считали.

Он остановился перед ней.

— Вы бежали?

— Нет.

— У вас дыхание сбилось.

— Поднималась по лестнице.

— Быстро.

— Даниэль.

— Всё, молчу.

Лия отвела взгляд к фонтану, но улыбка осталась.

— Я думала, вы уйдёте, — сказала она.

Он не сразу ответил.

— Через восемь минут?

— Я не знала, когда вы пришли.

— Но пришли вы.

Она посмотрела на него.

— Пришла.

Вот и всё. Ни шутки, ни красивой фразы. Но от её короткого ответа в Даниэле что-то поднялось — лёгкое и почти мальчишеское.

— Я весь день помнил эту площадь, — сказал он.

Лия опустила взгляд.

— Я тоже.

Пауза возникла сразу.

Даниэль заметил её, но не стал спрашивать.

Лия первой двинулась с места.

— Пойдёмте. Иначе действительно придётся считать минуты.

— Куда?

— На остров.

— У вас там ещё одна исчезающая лестница?

— Нет. Там всё гораздо надёжнее.

— После вчерашнего я вам не верю.

— Правильно.

Они спустились к реке.

У причала уже стоял небольшой городской паром. Люди проходили по трапу без билетов; мужчина в тёмной куртке придерживал створку и время от времени смотрел на часы.

— Последний? — спросил Даниэль.

— Предпоследний.

— А обратно?

— Если не будем долго спорить, успеем.

— Это зависит от вас.

— Конечно.

Они поднялись на открытую палубу.

Ветер сразу ударил с воды. Лия обеими руками придерживала шарф, потом засмеялась и прижала его подбородком.

— Всё-таки холодно, — сказал Даниэль.

— Наблюдательный.

— Возьмите.

Он снял свой шарф.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что у меня есть.

Новый порыв ветра бросил её шарф ей в лицо.

Даниэль протянул свой ещё раз.

— Теперь два.

Лия посмотрела на него, потом взяла.

— Верну.

— Я вас найду.

Она обмотала его шарф поверх своего.

— Самоуверенно.

— Мы уже это обсуждали.

Паром оттолкнулся.

Город медленно поплыл назад. Отсюда было видно сразу несколько улиц, по которым они ходили в разные вечера. Башня оставалась над крышами, пока остальные ориентиры не смешались в один тёмный берег.

Лия стояла у поручня.

Даниэль смотрел на два шарфа у неё на шее и чувствовал нелепое удовольствие от того, что один из них его.

— Я сегодня рассказал о вас, — сказал он.

Лия повернулась так быстро, что край шарфа снова ударил её по щеке.

— Кому?

— Другу.

— Зачем?

Вопрос прозвучал без улыбки.

— Сам не знаю. Наверное, потому что иначе начал бы разговаривать с мебелью.

Она продолжала смотреть на него.

— Что вы рассказали?

— Что есть город. Что сон продолжается. Что есть вы.

— Про меня что?

Даниэль задумался.

— Что вы спорите со стенами.

— Прекрасно.

— Он оценил.

— И всё?

— Нет.

— Что ещё?

— Что вы знаете здесь места, которых не знаю я. Что иногда говорите так, будто...

Он остановился.

— Будто что?

— Будто вы здесь не первый раз.

Лия отвернулась к воде.

— Я и не первый.

— До меня.

— Да.

— И это вас не удивляет?

Она поправила его шарф.

— Меня теперь многое удивляет.

— Вы кому-нибудь рассказывали?

Лия не ответила сразу.

Паром качнуло. За их спинами кто-то придержал падающую сумку, засмеялся ребёнок.

— Нет, — сказала она.

— Почему?

— Не знаю, как.

— То есть есть кому?

Лия посмотрела на него.

— У всех есть кому.

Ответ прозвучал ровно, но дальше она сразу спросила:

— И что ваш друг думает?

Даниэль понял, что разговор закрыт.

— Что мой мозг снимает сериал.

Лия рассмеялась.

— Неплохая версия.

— Ему вы понравились.

— Он меня не видел.

— Я рассказал хорошо.

Она посмотрела на него с недоверием.

— Вот это уже опасно.

Остров приблизился.

Паром ткнулся в причал, и люди пошли к трапу. Лия сошла первой. Даниэль догнал её на дорожке.

— Вы здесь часто бывали?

— Когда была маленькой — часто.

— С родителями?

— С отцом.

Она сказала это спокойно, но после короткой паузы добавила:

— Он любил остров.

Даниэль ждал продолжения. Его не последовало.

Они пошли между невысокими домами. В окнах горел свет, за оградами темнели сады.

Дальше дома закончились, дорожка вошла в парк.

— И что мы должны успеть увидеть до последнего парома?

— Оранжерею.

— Ночью?

— Снаружи.

— Отличный план.

— Можете вернуться.

— Уже поздно. Мой шарф у вас.

Лия засмеялась.

Они свернули с основной аллеи. Впереди между деревьями проступила длинная стеклянная крыша. Оранжерея оказалась больше, чем Даниэль ожидал: старое здание из тёмного металла и стекла, с круглым центральным куполом. За стёклами угадывались огромные листья.

У входа висела цепь.

Лия остановилась.

— Закрыто.

— Вы удивлены?

— Немного.

— Вы хотели войти?

— Иногда здесь закрывают позже.

Даниэль подошёл к створкам. На маленькой табличке были часы работы, но цифры почти стёрлись.

— Когда открывается?

— Днём.

Он повернулся.

— Вы бывали здесь днём?

Лия уже смотрела на него.

И опять на мгновение возникло то выражение: как будто вопрос догнал её раньше, чем она успела выбрать ответ.

— Бывала.

— Когда?

— Раньше.

— До меня?

— Даниэль.

— Что?

— У вас сегодня слишком много вопросов.

— Потому что у вас слишком мало ответов.

Она прошла вдоль стеклянной стены.

Внутри в темноте блестели листья. По крыше медленно стекала влага. Где-то глубже горела одна маленькая лампа, хотя здание было закрыто.

— Завтра, может быть, будет открыто, — сказала Лия.

— Завтра?

Она остановилась.

— В следующий раз.

— Вы сначала сказали «завтра».

— Сказала.

— Значит, у вас всё-таки есть завтра.

Лия посмотрела на него через отражение в стекле.

— Иногда.

Даниэль подошёл ближе.

— Я не понимаю, когда вы шутите.

— Это удобно.

— Для вас.

— Иногда и для вас.

Она улыбнулась, но взгляд остался серьёзным.

С пристани донёсся короткий гудок.

Лия резко повернула голову.

— Всё. Нам пора.

— Это последний?

— Пока нет. Но если вы ещё пять минут будете выяснять устройство моего времени — станет последним.

Они пошли обратно быстрее.

На середине парка Лия вдруг сказала:

— А как давно вы знаете своего друга?

— Марка?

— Да.

— С детства почти.

— Он знает вашу жену?

— Конечно.

Лия на секунду замедлила шаг.

— И вы всё равно рассказали ему про меня.

— Ему можно.

— Почему?

Даниэль посмотрел на неё.

— Потому что это Марк.

Она кивнула так, словно ответ был ей понятен.

— У вас есть такой человек, которому можно? — спросил он.

Лия сразу посмотрела вперёд.

— Мы опоздаем.

Даниэль не стал повторять вопрос.

На причал они вышли, когда люди уже заходили на паром.

— Быстрее! — крикнул мужчина у трапа.

Лия побежала первой. На мокрой доске её нога чуть скользнула. Даниэль успел схватить её за руку выше запястья и удержал.

Она развернулась к нему слишком близко.

Несколько секунд никто не двигался.

— Осторожно, — сказал он.

— Уже.

Его рука всё ещё была у неё на предплечье.

Даниэль отпустил.

Лия прошла на палубу.

Обратно они почти не разговаривали.

Оба остались снаружи. Ветер стих. Лия сняла шарф Даниэля, но вместо того, чтобы сразу вернуть, держала в руках.

— Замёрзнете, — сказал он.

— Уже нет.

— Тогда отдавайте.

Лия посмотрела на шарф.

— Можно завтра?

Он улыбнулся.

— Вы же не знаете, будет ли у вас завтра.

Она подняла глаза.

— Теперь придётся.

Эта фраза прозвучала легко, почти шуткой. Но Даниэль почувствовал, как снова поднимается то самое счастливое, бессмысленное тепло.

— Тогда оранжерея? — спросил он.

— Если откроют.

— А если нет?

— Придумаем что-нибудь другое.

— Это уже звучит как план.

Лия провела пальцами по краю шарфа.

— Пусть.

У городской пристани они сошли последними.

До площади под башней дошли медленно. Теперь часы показывали почти то же время, что при встрече. Даниэль остановился и посмотрел вверх.

— Они сломаны?

Лия тоже посмотрела.

— Нет.

— Прошло десять минут?

— Мы были на острове.

— Я заметил.

— Тогда не спрашивайте меня.

— А кого?

Она пожала плечами.

Площадь была почти пустой. Фонтан всё так же молчал. Одна из трёх улиц уходила во тьму, две были освещены.

— Мне пора, — сказала Лия.

— На этот раз я уже знаю, что спрашивать бесполезно.

— Учитесь.

Она сделала шаг, потом остановилась.

— Даниэль.

— Да?

— Ваш друг...

Она замолчала.

— Что?

— Ничего.

— Опять.

Лия улыбнулась.

— Скажите ему, что его версия про сериал мне нравится.

— Передам.

— Только остальное не передавайте.

— Что остальное?

Она посмотрела на него — прямо, спокойно — и всё-таки не ответила.

Город начал терять резкость.

Даниэль уже узнавал это ощущение.

— До оранжереи, — сказал он.

Лия держала его шарф обеими руками.

— До оранжереи.

Последним он увидел светлую ткань поверх её тёмного пальто.

Проснувшись, Даниэль ещё несколько секунд чувствовал движение паррома под ногами.

Анна спала рядом. За окном было совсем темно.

Он повернул голову к часам.

До будильника оставалось четыре часа.

Даниэль улыбнулся и закрыл глаза.

Утром они ехали к озеру.

А где-то в другом городе у Лии оставался его шарф.

Глава 6. Ночь короче дня

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.